

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ, ЕТИМОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ТА ОНОМАСТИКА СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

И. В. Аникина
Уманский государственный педагогический университет
имени Павла Тычины

НАИМЕНОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.

В статье представлен лексико-семантический анализ наименований должностных лиц, выполняющих различные виды полевых работ, в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI–XVII вв. Выявлены инновации в составе сельскохозяйственной лексики русского языка исследуемого периода.

Ключевые слова: *наименования должностных лиц, вторичная номинация, инновация.*

Интенсивное развитие ономазиологии во второй половине XX в., расширение ее границ, включение в ономазиологическую проблематику пропозитивной номинации дает основание утверждать, что проблемы ономазиологии, в том числе когнитивно-ономазиологический механизм вторичной номинации, находятся в центре внимания современной лингвистики. Изучение механизмов вторичной номинации, особенно тех этапов процесса номинации, на которых происходит выбор семантических мотивирующих признаков и формы их репрезентации в новой лексической единице, относится к актуальным направлениям лингвистических исследований последних десятилетий. На протяжении этого времени оформились новые направления в теории номинации – когнитивная ономазиология (Е. С. Селиванова) и семантическая дериватология (Н. П. Тропина).

Актуальность исследования семантических аспектов вторичной номинации обусловлена тем, что вторичная номинация, по образному выражению Н. П. Тропиной, является “розой ветров” не только семасиологии

и ономазиологии, но и всей языковой системы в целом: “В ней взаимодействуют многие языковые явления и процессы, и соответственно отражается множество языковедческих проблем” [6, с. 3].

Цель данной статьи – изложить результаты лексико-семантического анализа наименований должностных лиц, выполняющих различные виды полевых работ, в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI–XVII вв.

Объектом нашего анализа являются наименования лиц (далее НЛ), которые представлены собственно русскими лексическими единицами, получившими первую письменную фиксацию в период XV–XVII вв.

По признаку диахронической глубины они распределяются в письменных памятниках разных периодов следующим образом:

- в текстах последней трети XV в. (1472–1479 гг.) наблюдаются первые употребления лексемы *польникъ* – “работник, осуществляющий надзор за полевыми работами, межеванием и отведением полей”;

- в памятниках рубежа XV–XVI вв. – первые употребления НЛ *отмѣрищикъ* – “должностное лицо, производящее отмер”;

- к XVI в. относятся первые письменные фиксации НЛ *луговщикъ* – “смотритель сенокосных угодий, сборщик подати” [4, с. 292], *мызникъ* – “владелец или смотритель мызы”, композитной номинации *житомѣритель* – “тот, кто отмеряет и выдает зерно” [4, с. 119];

- к началу XVII в. – первые употребления в памятниках письменности НЛ *засѣвщикъ* – “работник, отвечающий за сев”, *замолотчикъ* – “работник, осуществляющий надзор за обмолотом хлеба и уборкой его в житницы” [4, с. 242], *боронникъ* – “работник, который боронит пашню” [1, т. 4, с. 298];

- к последней трети XVII в. – НЛ *замѣтчикъ* (1674 г.) – “тот, кто занимается учетом, приходит зерно” [4, с. 239], *мѣрочникъ* (1680 г.) – “работник мельницы, занимающийся замераами зерна и выдачей муки” [8, с. 230].

Как видно из перечисленных выше лексических единиц, анализируемая группа НЛ достаточно однородна в отношении используемой номинативной техники: ее образуют морфологически простые дериваты различных отсубстантивных и отглагольных словообразовательных типов (за исключением композитного НЛ *житомѣритель*).

Отмѣрищикъ. Собственно русское НЛ *отмѣрищикъ* (“должностное лицо, производившее отмер”) образовано с помощью суффикса *-щикъ* от основы глагола *отмѣрить* древнерусского по происхождению [8, с. 230], т. е. по словообразовательной модели: “основа глагола + суффикс *-щикъ*”.

В “Материалах” И. И. Срезневского данная лексема отсутствует. Впервые лексема *отмѣрищикъ* начала употребляться в XV в.: *А ключнику*

четка ржы <...>, а подлазику 2 денги, а *отмѣрцику* московка /Кн. пер. Дерев. пят. 11, 774, ок. 1495 г./.

В. И. Даль отмечает расширение значения агента, происшедшее в русском языке XIX в.: “отмеряющий что-то” [1, т. 2, с. 740].

В словник толковых словарей современного русского языка личное существительное *отмерщик* не входит.

Польникъ. НЛ *польникъ* формально связано отношениями производности с субстантивной основой: образовано с помощью суффикса *-никъ* от основы существительного *поле* праславянского по происхождению [2, т. 2, с. 91; 8, с. 314], т. е. по словообразовательной модели: “основа существительного + суффикс *-никъ*”; семантически – со словосочетанием *полевые работы* и производящим существительным *поле*: *польникъ* – “работник, осуществляющий надзор за полевыми работами, межеванием и отведением полей”.

В “Материалах” И. И. Срезневского НЛ *польникъ* отсутствует, впервые употребляется в текстах XV в. Приведем примеры: *Се яз архимарить Якимъ <...> поговоря с своею брат(ь) его <...> со казначьемъ с Сарафонтиемъ да с кас(ь)гном с духовникомъ, а с Иванею с полникомъ <...> меняли есмя землями /АСВР, II, 510, 1472–1479 гг./; *Списокъ роз(ь)гъзджие со Внуковские <...> правая сторона мо(на)стырска Внуковская, а лѣвая сторона Лачиревская <...> ту между указываль Федоръ Максимовичъ, а тудо были Володимеръ Семеновъ с(ы)нъ Губина <...> да пол(ь)никъ Левонъ трет(ь)якъ /АРГ, 80, 1510 г./.**

В текстах XIX в. наблюдается семантическая трансформация НЛ *польникъ*: “Толковый словарь” В. И. Даля фиксирует значение “житель поля, равнины” [1, т. 3, с. 258].

Базовые толковые словари современного русского языка НЛ *польникъ* не отмечают.

Мѣрочникъ. Неологизм XVII в. *мѣрочникъ* – “тот, кто ведает на мельнице за мерами зерна и выдачей муки” образован с помощью суффикса *-никъ* от основы общеславянского существительного *мера* (*мерочка* уменьшительное) [8, с. 230], т. е. по словообразовательной модели: “основа существительного + суффикс *-никъ*”.

В “Материалах” И. И. Срезневского данная лексема отсутствует. Впервые лексема *мѣрочникъ* начала употребляться в письменности XVII в., например: *У Степана мелника мерочника Ивана срубили до смерти /Баг. Мат., 89, 1680 г./.*

В XIX в. лексема *мерочникъ* изменила свое значение. В “Толковом словаре” В. И. Даль описывает лексическое значение неологизма XVII в. дефиницией “тот, кто продает ягоды мерочками, чашечками, стаканчиками”,

“мельникъ, мирочникъ” /Юж. зап./ [1, т. 2, с. 369]. В современном языке слово *мерочник* не употребляется.

Мызникъ. Неологизм XVI в. *мызникъ* – “владелец, содержатель или смотритель мызы” образован с помощью суффикса *-никъ* от основы существительного *мыза* по словообразовательной модели: “основа существительного + суффикс *-никъ*”.

В “Материалах” И. И. Срезневского данная лексема отсутствует. Впервые лексема *мызникъ* начала употребляться в XVI в., что отражено в памятниках русской письменности: *Нашии царьские заповѣди слово то: царемъ нашимъ и царевичемъ <...> и наше вотчины Вифлянские земли мызникомъ и нѣщомъ и латыномъ* /Польск. д., III, 299, 1564 г./.

В XIX в. лексема *мызникъ* имела значение “владелец, либо управитель мызы (усадыбы)” [1, т. 2, с. 364].

В современном языке данное слово используется с лексическим значением “владелец мызы” [3, т. 2, с. 316].

Мельникъ. В русском языке XVII в. так именовался тот, кто обслуживает мельницу, мельник. Собственно русское образование возникло с помощью суффикса *-ник* от основы существительного *мельня*, известного в диалектах со значением “мельница”, в свою очередь производного с суффиксом *-ьн (-ьня)* со значением места (как пекарня) от глагольной основы *мел->мелю< mĕlti* “молоть” [5, т. 2, с. 127; 8, с. 229; 7, с. 597].

И. И. Срезневский в “Материалах” лексему *мельникъ* не отмечает. Термин начинает использоваться в русском языке с XIV в., что отмечено в памятниках русской письменности: *Челобитье от мел<ь>ника из Зластьищи к Юрью* /Берест. гр., IV, 52, № 167, XIV в./; *Дано мелнику Степанку Можайскому отъ нижние мелницы от дѣла 2 рубли денег* /Кн. прих.-расх. Волокол. м., № 2, 90 об., 1574 г./; *А за то днѣжное и хлѣбное жалованье онъ мелникъ устанавливаетъ водицкие двѣ мелницы гдѣ мелютъ на будные станы хлѣбные запасы и всякои на мельничные снасти готовит и возит <...> и колеса новые дѣлаетъ и старые починивает на тѣх дву мелницах он же мелникъ* /Кн. сметн. поташ. пром., 74, 1689 г./.

Параллельно с лексемой *мельникъ* в XI–XVII вв. употреблялись лексемы *млинаръ*, *мелехъ*, со значением “мельник”, *мелець* – “тот, кто мелет ручным журавом”, *мельничникъ* – “хозяин небольшой мельницы; работни на мельнице”, *молольщикъ* – “тот, кто мелет на мельнице”. Например: *Улася, млынаръ, борзо збили, змордовали и бороду ему вырвано, от которого збитя и змордованя левде жив зостал* /Воссоед. Укр. с Рос., I, 136, 1634 г./; *Мелеху Тимошину 7 алтын* /Кн. ключей, 34, 1551 г./; *Да мелехом дано от тех дву четвертеи хлеба от четверика по двѣ денги* /Южновеликорус. письм., 227, 1627 г./; *Два мел<ь>ца Михаило да Василеи смолоти шестьдесятъ шесть мѣръ ржи* /Кн. расх. Корел. м., № 937, 50, 1563 г./; *Даль вкладу старецъ*

Калистратъ, а в миръ былъ Калина мелець /А.Уст., II, 176, 1597 г./; Мельнишнику Ондруюшке Курице дано 6 рублей, что он живет на мельнице в молотниках /Кн. прих.-расх. Мон. Казн). Арх. Он., 1659 г./; Да в тѣх же кнѣгахъ написано: дано вперед<ь> в работу мел<ь>ничнику Фотийку Иванову 3 рубли /Арх. Гамеля, № 259, 113. Расх. кн. 1672 г./; Мелничнику Июды Максимову, за работу что молоть на своей мельнице <...> дано /Кн. прих.-расх. Мих. дер.) Арх. Он., 1675 г./; А будучи мнѣ Ильѣ на его Васильевомъ прудѣ, всякой мельничной доходъ хлѣбомъ, или будетъ денгами, съ молощиковъ и съ толчейщиковъ собирать въ правду, а лишнего ничево ни съ кого не имать /АЮБ, II, 513, 1652 г./.

Начиная с XVIII в. и до настоящего времени лексема **мельник** сохраняет свое значение и в то же время его семантика несколько расширяется: “мукомол, управляющий мельницей на деле”. Это значение фиксирует В. И. Даль в своем “Толковом словаре”: *Мельникъ не бездѣльникъ, хоть дѣла нѣтъ, а щѣ рукъ топоръ нейдетъ. Не воруетъ мельникъ, а люди сами носятъ! Богатъ мельникъ шумомъ (стукомъ). Не боится мельникъ шуму (имѣ кормится)* [1, т. 2, с. 318]. В “Словаре русского языка” лексема **мельник** отмечена со значением: “владелец мельницы или работник на мельнице”; мн.ч. (мельники) – “род карточной игры”: “играть в мельника” [3, т. 2, с. 150].

Лексические инновации XVII в. свидетельствуют о том, что в словообразовании НЛ этой группы обнаруживается деривационная активность морфемы **-чикъ/-щикъ**, которая взаимодействует как с субстантивными, так и глагольными производящими основами.

Показательно также, что новообразования XVII в., в отличие от НЛ этой группы предыдущих периодов, номинируют деятеля по процессуальному признаку.

Как показывает проведенный анализ, на протяжении исследуемого периода в составе тематической подгруппы наименований лиц, участвующих в разнообразных процессах сельскохозяйственного труда по сбору, транспортировке, хранению и переработке урожая полевых культур и т. п., произошли количественные изменения, в частности обогащение анализируемой подгруппы НЛ новыми *nomina agentis* – преимущественно словообразовательными инновациями, получившими отражение в текстах памятников письменности, датируемых XVI в. Обогащение рассмотренной подгруппы НЛ новыми номинациями указанного типа еще раз свидетельствует об активном развитии словарного состава русского языка исследуемого периода XVI–XVII вв. в целом и ономастической категории деятеля в частности, ее “востребованностью” в связи с возрастающей дифференциацией труда и социальной актуальностью “именования” человека по его роли в общественно-полезном труде,

необходимостью номинации новых специальностей (особенно быстро возникающих в области ремесленного труда) [9, с. 87].

В составе рассмотренной подгруппы НЛ получает отражение характерное для периода формирования национального русского языка явление языковой избыточности, выраженное рядами синонимических НЛ. В текстах XVI в. наблюдается параллельное употребление вариантных словообразовательных номинаций рассмотренной подгруппы НЛ – производных от одной и той же основы посредством разных словообразующих аффиксов (суффиксов) или способов словообразовательной номинации.

Л и т е р а т у р а :

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М., 2000. – Т. 1–4.
2. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Типография Г. Лиссиера и Д. Совко, 1910–1914.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : АН СССР, 1981–1984. – Т. 1–4.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. : указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений / АН СССР, Ин-т русского языка ; сост. С. Ф. Геккер. – М. : Наука, 1975. – 331 с.
5. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – М. : Императорская Академия наук, 1893–1912. – Т. 1–3.
6. *Тропина Н. П.* Семантическая деривация : мультипарадигмальное исследование / Н. П. Тропина. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 1–4.
8. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка : более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. школа, 1989. – 511 с.
9. *Шкатова Л. А.* Развитие ономаσιологических структур (на примере наименований лиц по профессии в русском языке) / Л. А. Шкатова. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1984. – 150 с.

Анікіна І. В. Найменування посадових осіб у сільськогосподарській лексиці російської мови XVI–XVII ст.

У статті здійснено лексико-семантичний аналіз найменувань посадових осіб, які виконують різні види польових робіт, в сільськогосподарській лексиці російської мови XVI–XVII ст. Виявлено інновації у складі сільськогосподарської лексики російської мови досліджуваного періоду.

Ключові слова: *найменування посадових осіб, вторинна номінація, інновація.*

Anikina I. V. Official person's names in the agricultural vocabulary of the Russian language XVI–XVII centuries.

The article lexical-semantic analysis of official person's names who perform different types of field work in agriculture vocabulary of Russian XVI–XVII century. Identified innovation as a part of the vocabulary of Russian agricultural research period.

Keywords: *names of official person, secondary nomination, innovation.*

В. Б. Задорожний
Інститут мовознавства імені О. О. Потебні
НАН України

АКЦЕНТОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ В ЕТИМОЛОГІЧНИХ СТУДІЯХ

Стаття являє собою спробу показати, як аналіз акцентних процесів, що відбуваються (чи відбувалися) в системі українського дієслова, може стати допоміжним і навіть визначальним фактором в етимологічних дослідженнях. Конкретному етимологічному аналізу підлягають у статті слова **обідати** і **снідати**, що мають етимологічно єдиний корінь, однак визначальним для дослідження є пошук нової методології. Семантико-словотвірний аналіз дієслів виявляє особливу продуктивність у зв'язку з їхньою видотвірною діяльністю, супроводжуваною, у свою чергу, закономірними акцентними змінами.

Ключові слова: *акцентні перетворення, видові відношення, доконаний / недоконаний вид, наголос (кореневий, суфіксальний), словотвірний ланцюжок.*

Український народ має таку примовку: “Снідала – обідала – раз їла, полуднувала-підвечіркувала – два їла, вечеряла-повечіркувала – три їла”. В українській народній традиції щоденного споживання їжі справді був режим триразового харчування. Відповідно до цього в українській мові є три дієслова на позначення процесу приймання їжі в різний час: *снsдати*, *обсдати*, *вечтряти*. На нашу думку, цікавою є словотвірна історія цих слів як слів власне української мови з властивими їм у ній значеннями. Тим часом із цих слів тільки дієслово *снідати* має певне етимологічне тлумачення, див.: *снsдати* ... др. *сънhдати* “їсти”, *сънhсти* “з’їсти” ... стсл. *сънhдати* “їсти”, *сънhсти* “з’їсти”; – псл. *сънĕдати*, *сънĕсти* “тс”, утворені з префікса *сън-* – “з” і дієслова *jĕsti*, *jĕdati* “їсти” [3, т. 5, с. 335]. Гадаємо, що на підставі запропонованої етимології можна говорити тільки про певні етимологічні зв’язки між вказаними утвореннями. Історія ж власне українського слова *снsдати* “їсти вранці, з’їдати сніданок” // “їсти що-небудь уранці на сніданок” [10, т. 9, с. 426] при цьому, на нашу думку, залишається нез’ясованою, принаймні не до кінця з’ясованою.

Дієслово *обідати* зовсім не має етимологічного тлумачення; натомість маємо таку етимологію іменника *обід*, див.: *обсд* ... стсл. *обhдъ*; – псл. *обĕдъ*, утворене за допомогою префікса (прийменника) *об-* від дієслівної основи *ĕd-*